

ОЛЕГ ДИВОВ

ВУНДЕРВАФЛЯ

НЕМЦЫ

Рассказы Олега Дивова

Олег ДИВОВ

Немцы

«ЭКСМО»

2013

Дивов О. И.

Немцы / О. И. Дивов — «Эксмо», 2013 — (Рассказы Олега Дивова)

«Война не трогала семью Рау холодными руками до поры до времени: старшие были слишком ценны для страны, чтобы гнать их на фронт с винтовкой, а младшие слишком молоды. Наступление шло стремительно и красиво, победа казалась близкой и сладкой, народ ликовал, и те, кто попроще, не стеснялись в простоте своей поздравлять Рау, когда падал очередной русский город: друзья, готовьтесь, со дня на день фюрер освободит для вас Москву. Поквитаемся тогда за ваших. И за всех наших вообще...»

Олег Дивов

Немцы

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Посвящается памяти Александра Ройфе

Война не трогала семью Рау холодными руками до поры до времени: старшие были слишком ценны для страны, чтобы гнать их на фронт с винтовкой, а младшие слишком молоды. Наступление шло стремительно и красиво, победа казалась близкой и сладкой, народ ликовал, и те, кто попроще, не стеснялись в простоте своей поздравлять Рау, когда падал очередной русский город: друзья, готовьтесь, со дня на день фюрер освободит для вас Москву. Поквитаемся тогда за ваших. И за всех наших вообще.

Отец в ответ только морщился. Известно было, что в первые дни войны Россию накрыло жестоким «немецким погромом». Особенно зверствовали патриоты в Москве и Петербурге, спешно переименованном в Петроград. Немцев били, где ловили, не разбирая, заезжий ты Мюллер или обрусевший до полной утраты национальной связности Кисельвроде, была бы фамилия нерусская. Попутно досталось эстонцам и жидам. Многие погибли. Русские в дипломатической ноте опровергли это. Фюрер пообещал для начала выпороть императора на Красной площади, а там разберемся.

Отец беспокоился, конечно. Для него московские Рау были не просто далекими друзьями по переписке, как для юного Саша, который появился на свет в двадцать девятом году уже в Германии и ездил на «вторую историческую родину» один раз совсем ребенком. С фотографий на Сашу глядели дорогие лица – похожие, добрые, свои, – но живого тепла дяди Игоря и бабушки с дедушкой он не помнил. А для отца это мама с папой и любимый младший брат. Уговорить стариков переехать никто даже не пытался, а вот из-за Игоря отец страдал: брата он звал к себе много раз. Но тот сделал карьеру инженера-дорожника, стал уже к тридцати годам знаменит и о Германии отзывался небрежно: что я там забыл? Ты-то, Дима, понятно, что: свои обожаемые авиационные двигатели. А мне на неметчине делать нечего, с дорогами у вас и без меня наведут порядок. Сейчас Россию надо поднимать, Россию... Где и что теперь поднимал Игорь – бог знает. Отец говорил: если кайло – считай, повезло.

Саше тоже сочувствовали – и в школе, и в гитлерюгенде. Выглядело это обычно глупо, иногда грубо, но Саша не обижался: они ведь от души. И только тощий Циммер, которого звали за глаза «дистрофикфюрер», ляпнул:

– Надо бы тебя в гестапо отвести, пускай проверят, что ты за фрукт.

Саша уже примерился дать Циммеру в морду, но тут рядом возник учитель и сказал:

– А ты сходи, донеси на него. Вот прямо сейчас и сходи. Отпущу тебя с урока ради такого дела.

Циммер задумался и никуда не пошел.

А учитель буркнул, глядя мимо Саша:

– Не обращайтесь внимания, Рау. Не обижайтесь на дураков. И вообще, это ненадолго. Русские собирают народное ополчение. Значит, войне скоро конец. Когда регулярная армия не справляется и поднимают весь народ – значит, все.

Учитель был ветераном Первой мировой и знал, что говорил. Среди учителей было полным-полно ветеранов, и все говорили одно: раз уже ополчение, значит, русские – все.

Саша передал слова учителя отцу. Тот криво ухмыльнулся и изрек странное:

– Слушай, ну это немцы. Что они в этом понимают?

Саша отродясь не мог понять, когда у отца немцы умные, а когда глупые. И кого отец больше любит, немцев или русских. Иногда казалось – всех, иногда – никого. Если на работе что-то не ладилось, отец немцев особенно не любил. Говорил, они еще хуже русских.

– А вот насчет «на дураков не обижаются» – это правильно.

Мы не имеем права обижаться, сказал отец, нам гордиться надо: российская история нашего рода насчитывает лет триста как минимум, даже приставка «фон» от фамилии отвалилась. Мы равно принадлежим двум нациям и взяли от них все лучшее. Мы русские немцы, какие уж есть. И нам совершенно наплевать, кто и что про нас думает. Хотя положение, конечно, дурацкое.

После чего, выпив еще пару рюмок, отец затянул «Из-за острова на стрежень». И все подпевали, включая тех, у кого приставка «фон» почему-то не отпала от фамилии, несмотря на те же триста лет. Очень красиво получалось у кузена Гуннара, правда, тот по секрету признался Саше, что совсем не понимает смысла, просто звук воспроизводит. А вот песню про серенького козлика Гуннар правильно запомнил с детства – и вкладывал в нее наравне с музыкальным талантом еще и чувство юмора.

– Водка! Водка! Серенький козлик! – орал Гуннар. Родичи от смеха валились на стол. Правда, водки Гуннару все равно не давали, рано ему еще. Он и от пива веселый.

Говорили по-русски и пели русские песни, сидя посреди страны, которая вела жестокую войну с Россией. Ну вот так получилось, а что теперь делать. Можно, конечно, пить горькую и погибаться от тоски, но это было бы для Рау слишком по-немецки.

Кузен Гуннар фон Рау пропал без вести в сорок четвертом. Как его забрали, так и сгинул, не прислав ни единой весточки. Вот вам и народное ополчение: война затянулась, превратилась в бойню, потом в драку за выживание германской нации, и если ценный специалист еще оставался ценным специалистом, то нежный возраст больше не имел значения.

Сашино время настало в апреле сорок пятого.

Отец почти не появлялся дома – пропадал на заводе, мама кусала губы, чтобы не плакать. Отец не мог спрятать сына от войны, он был для этого слишком на виду. Даже у нацистских бонз дети шли на фронт. Единое общество, все равны, никаких исключений. Здесь вам не Россия, где буржуи и аристократы задирают нос, здесь Германия, и если ей плохо, значит, плохо будет сразу всем. У нас тут нет привилегированных, чего вы хотите? Сами за это боролись. Отец надеялся, что девятиклассников все-таки в бой не бросят. Ничего он не мог сделать, у него и так положение было хуже губернаторского; Саша примерно догадывался, что это нелепое и глупое положение. Отец успел сказать ему только: «Если не дай бог чего, вас одних умирать не пошлют, с вами будут старшие, ты следи за ними внимательно и делай, как они. Ищи ветеранов, тех, кто в прошлый раз воевал, и притирайся к ним поближе. Они знают, как правильно».

Ветеранов оказалось двое: учитель истории из соседней школы и автомеханик с соседней улицы. У них был пулемет и задача удерживать мост.

С той стороны моста уже бабахало, пока еще в отдалении.

– Вот нелепость какая, – говорил учитель механику, рассеянно теребя патронную ленту. – Русские помогали фюреру, практически с руки его выкормили, чтобы тот бодался с англичанами и англичане не мешали русским. А фюрер взял да напал на русских, чтобы те не мешали ему разбираться с Англией! И в итоге бородатые приперлись к нам вместе с англичанами! Да еще американцев притащили. А мы с тобой, значит, опять воюй на два фронта на старости лет...

– Ну, так ихний царь – размазня, это все знают, – говорил механик, поправляя на бруствере мешки с песком. – И король ихний тот еще либерал. Им чего жиды подскажут, то они

и делают. У фюрера бабушка была жидовка, слышал? Подсунули нам какого-то австрийского зяму, а мы и рады...

– Там конституционные монархии, и от царей с королями мало зависит, – говорил учитель. – А вот жидов не надо было трогать. То есть надо было их растрясти, конечно, но поаккуратнее. Отыгрались они на нас и еще отыграются, помяни мое слово. Им теперь одно надо: сжить как можно больше немцев со свету.

– Получается, мы сейчас с тобой делаем то, чего надо жидам? – спрашивал механик.

– Именно, дорогой товарищ, именно, – отвечал учитель.

Девятиклассники слушали этот разговор, вытаращив глаза.

Девятиклассников прислали к мосту аж целое пехотное отделение с винтовками и парой ящиков фаустпатронов. У них была задача стоять насмерть. Собственно, на что еще годятся десять необстрелянных мальчишек – стоять да умирать.

– Осталось день-два продержаться, – заявил тощий Циммер. – Фюрер пустит в ход Оружие Возмездия, и это будет перелом войны. Мы победим!

Механик обернулся к Циммеру, пересчитал взглядом гитлерюгендовские значки у него на шинели и сказал:

– Наломались уже. Напереламывались. Ну-ка, парень, дай взглянуть на твое оружие возмездия. Что-то мне у него затвор не нравится.

Циммер отдал ему винтовку. Механик извлек затвор, кинул его в реку и вернул маузер оторопевшему парню.

– А то мало ли, – непонятно объяснил он.

– Вы... – начал Циммер, краснея.

– Шас в морду, – очень понятно на этот раз объяснил механик.

Циммер огляделся. Никто из отделения не собирался его защищать. Он всем давно надоел со своим Оружием Возмездия. Тут дураков, кроме него, не было.

– Значит, так, молодые люди, – сказал учитель. – Вы меня знаете, ну, некоторые из вас точно. Я не хочу тут проповедовать и разводить философию. Я объясню положение в двух словах. Бородатые будут здесь очень скоро. И они не станут с нами церемониться. Если мы решим отбиваться, нас расстреляют из танков или накроют с того берега минометами. Если мы поднимем лапки кверху, нас все равно пристрелят, к сожалению. У бородатых нет времени с нами возиться, они спешат продвинуться вперед насколько можно, занять побольше нашей территории. Они прихлопнут нас, просто чтобы мы не болтались у них в тылу. Мы покойники в любом случае, если останемся здесь. Есть только один шанс – бросить все и уходить навстречу американцам.

– Измена! – заорал Циммер, и механик дал-таки ему в морду.

– Сейчас измена – погубить себя, – сказал учитель, глядя, как Циммер ползает на карачках, собирая зубы. – Ради Германии вы обязаны выжить. Вам заново поднимать нашу родину из праха. Бородатые не задержатся тут надолго, они заберут все, что им понравится, и уйдут восвояси. Они всегда так делают, я ведь историк, я знаю. А мы останемся в разоренной стране. Вас ждет впереди очень много работы. Вы нужны Германии живыми. Все ясно? Хорошо. Помоги мне, Йохан.

Они с механиком подхватили на руки пулемет и швырнули его далеко в реку.

– Жалко, – сказал механик.

– Да, отличная вещь, – сказал учитель. – Ничего, потом вернемся – достанем. Американцы нас долго не промурыжат, зачем мы им нужны... Мальчики, бросайте оружие. Сейчас оружие – это ваша смерть. Бросайте – и побежали.

И они побежали.

Самое страшное, что запомнил из войны Саша Рау, это были не бомбежки и не артиллерийский обстрел, под который он в следующие дни попадал несколько раз. И даже не чавкаю-

щий звук, с которым пуля бьет твоего товарища. Нет, самое страшное – это был берег следующей реки, до которой ему посчастливилось дойти живым. За рекой стояли американцы, надо только добраться до них, поднять руки, и твоя война окончена.

Шел дождь. Поверх реки стреляли. Берег был серый и шевелился. Это ползли вниз, к холодной воде, люди в серых шинелях.

Всю последующую жизнь Саше будет сниться эта серая волна.

Он вернулся домой через месяц. Перед домом стоял грузовик, русские солдаты носили в него тюки и чемоданы. Вот как это выглядит, значит, – когда забирают, что понравится. Саша до боли сжал кулаки и пожалел, что у него сейчас нет пулемета, да хотя бы винтовки. Но тут из дома вышел отец, а с ним двое в синих мундирах.

– Здравствуй, сынок, – сказал отец. – Ты вовремя. Мы едем в Россию.

Вот как это выглядело на самом деле – когда забирают все, что понравится.

Дмитрий Рау был главным инженером одного из заводов Юнкерса, и русские вывозили этот завод по репарации подчистую, вместе с персоналом. В десятый класс Саша пошел уже в подмосковной Дубне.

Жили в Дубне просто, без затей, но как-то по-доброму, и с русскими отношения сложились очень спокойные. Видно было, что русские не держат на немцев зла, у них уже переболело. Ну напали, дураки, так мы их за это наказали, чего теперь с ними делить. Лежачего не бьют. Даже те, кто потерял на войне близких, старались не срываться на «пленных» – это считалось нехорошо. Но в морду немецкую дать все-таки могли. Особенно крестьяне, когда привозили на рынок продукты, а потом с выручки напивались. Крестьян на фронте много полегло, да и потерю они острее понимают. В городе пропал у тебя сосед – и пропал, а в деревне это очень заметно: и пахать некому, и в душе пустота... На рынок только мама ходила, ее не трогали.

К Саше в школе сначала цеплялись, а он сказал: эй, слушайте, я с вами не воевал и не собирался. Я же русский, хоть и немец. Я должен был воевать с Америкой. Понимаете? И рассказал про мост, соврав, будто из-за реки подступали американцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.